

исследований. Особый интерес для истории культуры представляет небольшой раздел, посвященный сложению народностей, где автор, говоря о предпосылках этого процесса — смешении и ассимиляции, а порой также массовых передвижений племен, — снова подчеркивает значение культурных взаимовлияний и в связи с этим показывает древнейшие корни прогресса и отсталости в культурном развитии отдельных групп человечества.

Как уже отмечалось, от первого издания книги настоящее переиздание отличается рядом исправлений и добавлений. Как научно-популярная публикация, книга в значительной мере выиграла, будучи снабжена удачно подобранными иллюстрациями и краткой библиографией работ по истории первобытного общества. М. О. Косвен посетился с появившимися в советской печати рецензиями на его работу, внес в нее отдельные поправки и уточнения. Правда, и теперь многое в рецензируемой книге остается спорным, и ряд положений разделяется не всеми советскими специалистами. Но это, разумеется, не может быть поставлено автору в вину. «Первобытная история, — справедливо замечает М. О. Косвен в предисловии к «Очеркам», — является отраслью знания, еще далеко не сложившейся, в ней еще много неясного и неисследованного, много условных допущений, гипотез, спорных вопросов и положений. Я не мог взять на себя задачи исследовать все неисследованное, устранить все условности, разрешить все споры» (стр. 3). Важно отметить, что автор несомненно справился с главной задачей своей работы: отобрать наиболее достоверные факты первобытной истории и, поместив их в исторические рамки, обобщив и систематизировав, дать суммарную характеристику развития первобытного общества. Вместе с тем — и это представляется нам не менее важным — книга М. О. Косвена заставляет читателя задуматься над трудными вопросами первобытности, пробуждает в нем интерес к древнейшему прошлому человечества.

А. Першин

А. П. Быстров. *Прошлое, настоящее, будущее человека*, Л., 1957, 313 стр.

Книга открывается обширным введением, в котором автор излагает содержание процесса эволюции, подробно останавливается на факторах эволюции, иллюстрируя их действие многочисленными и яркими примерами. Значительное место во введении занимает критика «исправлений» и «дополнений» к учению Ч. Дарвина о факторах эволюции, в частности теории «инерции» Л. Додерлейна и О. Абеля, «ортогенеза» Т. Эймера, «номогенеза» Л. С. Берга и др.

Часть первая — «Прошлое» — самая большая, занимает две трети книги и состоит из шести глав. В первых пяти главах (I — «Бесчелюстные позвоночные», II — «Челюстные позвоночные», III — «Наземные позвоночные», IV — «Рептилии», V — «Млекопитающие») подробно излагается эволюция позвоночных. На огромном палеонтологическом материале, значительную часть которого составляют собственные исследования автора, А. П. Быстров показывает читателю, как происходило формирование позвоночника, черепа и его отдельных костей, поясов конечностей и их отделов. Много внимания уделяется образованию и развитию зубной системы. Материал хорошо увязан с геологической периодизацией. Автор останавливается на климатических условиях разных периодов, на образе жизни, питании, размножении животных. Описание отдельных палеонтологических находок не отвлекает автора от основной цели — показать стройную систему эволюционного развития от низкоорганизованных форм к более высокоорганизованным. Вместе с тем автор не упрощает картины развития, не сводит его к примитивной схеме, а показывает, что это был исключительно сложный и длительный процесс, протекавший в жесточайшей борьбе за существование, за лучшее приспособление к новым условиям жизни. Этому много способствует применение метода функционального описания, широкого использования данных сравнительной анатомии и эмбриологии. Таким образом, рассмотренное в первых пяти главах представляется большой интерес для специалистов — анатомов, палеонтологов, зоологов. Однако трудно согласиться с автором, что этот материал, охватывающий период развития позвоночных от бесчелюстных до млекопитающих, может рассматриваться как прошлое человека, даже если подходить к нему с точки зрения морфолога. Конечно, никто не сомневается в том, что эволюционный путь древнейших животных предков человека прошел через описанные примитивные формы, но ведь это был общий путь для всех млекопитающих!

В этом смысле первые пять глав книги могли бы быть безо всякого изменения названы прошлым любого млекопитающего, начиная от мыши и кончая слоном. С другой стороны, самые примитивные позвоночные не могли бы появиться, если бы их предки не прошли длительный путь развития, начинающийся с возникновения живой клетки. Почему же тогда ограничивать начало прошлого человека с бесчелюстных позвоночных? Почему не начать его с возникновения жизни на земле?

Правомерность сказанного может быть подтверждена словами самого автора, начинающего главу VI — «Обезьяны и человек» следующей фразой: «Филогенетиче-

кое развитие большинства разнообразных млекопитающих кайнозоя, разумеется, не вело к человеку» (стр. 197). На этой главе мы позволим себе остановиться особо. (К сожалению, VI глава, которая больше, чем любая из предыдущих, содержит описание прошлого человека (хотя в науке обычно употребляется более точное название — антропогенез или происхождение человека), написана довольно примитивно и схематично. Совершенно непонятно, почему автор при морфологическом подходе к материалу опускает все находки ископаемых приматов, в том числе и ископаемых антропоидов, упоминая только возможных предков обезьян — *Notharctus* и *Adapis*. Как ни фрагментарны находки ископаемых обезьян, они все же, вопреки утверждению автора, довольно многочисленны и дают возможность представить себе ход эволюции от примитивных обезьян до человека. Отсутствие описания хотя бы основных из этих находок и сопоставления примитивных ископаемых форм с более высокоразвитыми и с человеком является крупным недостатком рецензируемой книги, который повлек за собой и другие. Автор считает, например, что ископаемый предок человека был очень похож на современных гориллу и шимпанзе, в частности в отношении пропорций скелета и приспособления конечностей к древесному образу жизни (стр. 200). С этим трудно согласиться. Многочисленные находки африканских австралопитеков, независимо от того, являлись ли они звеном в эволюции человека или боковой ветвью, убедительно свидетельствуют о том, что ископаемый антропоидный предок человека не был такой специализированной и приспособленной лишь к древесному образу жизни формой, как современные человекообразные обезьяны. Именно поэтому наш обезьяноподобный предок и мог в дальнейшем развиваться и приспособливаться к жизни иными путями.

Автором слишком просто и вместе с тем путанно решается вопрос о прародине человека. Вначале он утверждает, что родиной человека был евразийский материк. Затем конкретизирует, указывая, что ею была «именно Центральная Азия» (стр. 204). Африканский материк вовсе исключается. А. П. Быстровым из зоны очеловечения обезьяны на основании того, что там были неподходящие климатические условия и что находки ископаемых обезьяно-людей обнаружены в Азии. Нужно сказать, что эта точка зрения уже довольно давно устарела. Советские антропологи (Я. Я. Рогинский, М. Ф. Нестурх, В. П. Якимов и др.)¹ считают, что зона очеловечения охватывала Южную, Центральную и Переднюю Азию, Северную Африку и Южную Европу. Это предположение сделано на основе изучения климатических условий и ископаемых находок. Обнаруженные в Северной Африке вместе с орудиями труда костные остатки атлантропа мавританского (о котором, кстати сказать, А. П. Быстров даже не упоминает) — гоминида, находившегося на стадии развития питекантропа, подтвердили эту гипотезу. Вызывает удивление, почему автор игнорирует такие факты, преподнося читателю науку, соответствующую уровню конца 1930-х годов.

Не менее запутан вопрос о происхождении и расселении неандертальцев. По мнению автора, неандерталец также возник в Центральной Азии, откуда он «медленно мигрировал в Европу, Африку и на острова Малайского архипелага» (стр. 209). Верно здесь только то, что в эпоху неандертальского человека миграции, по-видимому, имели место. Однако расселять неандертальцев по всему Старому Свету из Центральной Азии нет никакой нужды. Если находки костных остатков стадии питекантропов на территории Европы и Африки пока единичны, то остатки материальной культуры шельско-ашельского времени, соответствующие этой стадии, широко распространены. Хорошо известно также, что распространению неандертальцев соответствует в основном мустьерский культурный комплекс. Следовательно, до неандертальской эпохи значительная часть территории Европы и Африки была заселена обезьяно-людьми типа питекантропов (гейдельбергский человек, атлантроп), и вполне естественно, что в дальнейшем они в процессе эволюции превратились в неандертальцев.

Исключительно мало места уделено в книге вопросу о трансформации неандертальцев в человека современного типа. Этот вопрос достаточно сложен, много дискутировался в специальной литературе и заслуживает большего внимания.

Часть вторая — «Настоящее» включает четыре главы. Задача этого раздела показать морфологические вариации строения скелета у современного человека.

Глава II — «Эмбриогенез скелета и позвоночная теория черепа» содержит данные эмбрионального развития скелета, а также изложение и критику позвоночной теории образования черепа. Эта глава, как и глава IV — «Атавистические варианты», в которой собран большой и интересный материал атавистических изменений в строении черепа и позвоночника, дает объяснение происхождения этих изменений в сравнительно-анатомическом освещении и показывает генетическое родство человека с далекими животными предками.

В главе III — «Общая форма черепа» рассматриваются возрастные и половые различия в форме черепной коробки, асимметрии и деформации, причиной которых являются нарушения нормального развития, искусственные деформации.

В главе I — «Расы» кратко излагаются отличия трех больших рас и разбирается вопрос о происхождении расовых признаков. Автор полагает, что ни миграция, ни изоляция отдельных племен, ни половой отбор не являлись причинами образования рас, и приходит к выводу, что «...в настоящее время мы не знаем причин, вызвавших

¹ См. сборник «Происхождение человека и древнее расселение человечества», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», новая серия, т. XVI, М.—Л., 1951.

появление первых слабо выраженных расовых особенностей, и не понимаем, что заставило эти расовые особенности затем постепенно усилиться» (стр. 222). Такой агностицизм связан с категорическим утверждением автора, будто «расовые признаки работали независимо от особенностей среды обитания». Оторвав таким образом первобытного человека от среды, в которой тот жил и от которой во многом зависел, автор и не мог прийти к чему-либо иному, как к полному отрицанию понимания причин возникновения рас. В пользу прямой зависимости расовых признаков от условий среды обитания можно привести много аргументов, на которых мы не будем останавливаться, так как они изложены в многочисленных работах². Несомненно также, что в усилении и образовании новых расовых признаков значительная роль принадлежит миграции и связанным с ней изоляции и смешениям. О смешении как о возможном факторе расогенеза автор даже не считает нужным упомянуть.

Нам представляется, что в настоящем виде глава «Расы» не может считаться удовлетворительной ни с фактической, ни с теоретической стороны.

Часть третья — «Будущее» состоит из двух глав. В главе I — «Человек далекого будущего» описаны так называемые прогрессивные или пророческие аномалии, встречающиеся в скелете человека, которые, по мнению некоторых исследователей, указывают на дальнейшее направление эволюции человека. Опираясь на эти высказывания, а также на некоторые данные антропологии об изменениях в форме черепной коробки, наблюдаемых у современного человека, автор создает гипотетического человека «будущего» (*Homo sapientissimus*).

В главе II — «Заключение» автор подвергает суровой критике сторонников дальнейшей эволюции человека и приходит к выводу, что в связи с отсутствием у человека такого фактора эволюции, как естественный отбор, эволюция прекратилась и никакого нового вида человека *Homo sapientissimus* никогда существовать не будет.

В начале этой главы он пишет: «Я не разделяю взглядов анатомов на предстоящую судьбу человека и не думаю, что его скелет даже в очень далеком будущем может принять такие уродливые формы, какие пророчествуют они» (стр. 298). С этими словами нельзя не согласиться. Однако следует заметить, что значительная часть этих уродливых форм создана самим же автором в предыдущей главе, очевидно, для того, чтобы раскритиковать их в заключении. Например, узкие или исчезающие носовые кости, прерванные скуловые дуги и отсутствие межчелюстной кости, рассматриваемые А. П. Быстровым в качестве пророческих вариантов, «обнаружены» самим автором.

Чтобы представить себе человека будущего на основании высказываний других исследователей пророческих вариантов, автор, как он сам пишет, доводит их до «логического конца», который сам и опровергает. Но в конце концов это методический прием для занимательности изложения, который можно извинить. Однако нельзя простить прямое искажение высказываний других исследователей. Речь идет об использовании автором данных Г. Ф. Дебеца об эпохальных процессах брахицефализации и грацилизации черепа, отмеченных им на палеоантропологическом и современном материале. Автор рецензируемой книги в нескольких местах (стр. 292, 295) в весьма резкой форме ставит под сомнение достоверность данных Г. Ф. Дебеца. Между тем эти данные основываются на большом фактическом материале и за десять лет, прошедших со времени выхода книги Г. Ф. Дебеца, подтверждены многими другими исследователями. Сомнения А. П. Быстрова свидетельствуют лишь о его неосведомленности в этом вопросе (впрочем, как мы отмечали выше, и во многих других). Но этим дело не ограничивается. Г. Ф. Дебец, говоря о процессах грацилизации и брахицефализации, имеет дело с конкретным материалом. Он отмечает интенсивность течения первого из этих процессов — в эпоху палеометалла и до начала II тысячелетия н. э., второго — во II тысячелетии н. э. Разрабатывая вопрос теоретически, Г. Ф. Дебец пишет: «Не только возможно, но даже бесспорно, что брахицефализация происходила и в более ранние эпохи, а грацилизация в более поздние»³. И далее: «Наблюдаемые изменения морфологических признаков черепа за последние тысячелетия не привели, конечно, к формированию нового вида, и эпохальные изменения, о которых идет речь в данной работе, являются изменениями расогенетическими»⁴.

Но А. П. Быстрову эти положения не подходят. Ему нужны не расогенетические, а эволюционные изменения. Для этого он искажает смысл фразы Г. Ф. Дебеца и приводит его цитату следующим образом: «Не только возможно, но даже бесспорно, что брахицефализация происходила... в более ранние эпохи, а грацилизация — в более поздние» (стр. 295). Как будто никакой разницы? Пропущенная буква «и» заменена тремя точками и подставлено тире! Получено два строго последовательных процесса, не приуроченных к определенному времени. Ну, а дальше совсем просто: Г. Ф. Дебец пишет о направлении эпохальных изменений, а А. П. Быстров цитирует: «направленной эпохальной брахицефализации...» (разрядка моя.—И. Г.); распространив полученные столь необычным приемом законы развития на весь скелет,

² См., например, Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы антропологической классификаций, сборник «Происхождение человека и древнее расселение человечества», цит. выше.

³ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», новая серия, т. IV, М.—Л., 1948, стр. 307.

⁴ Там же, стр. 309 (разрядка моя.—И. Г.).

он доводит их до «логического конца» и делает выводы о деталях строения Homo sapien-
tissimus. Причем виноват в этом, по утверждению А. П. Быстрова, Г. Ф. Дебед. Та-
кие приемы, число которых можно умножить, не делают чести их автору и вряд ли
допустимы в научной полемике.

Основной вывод автора о том, что человек в дальнейшем развитии не превратится
в новый вид, бесспорен, но нельзя согласиться с тем, что, начиная с появления кро-
маньонца, человеку свойственна лишь индивидуальная изменчивость, ничем не отра-
жающаяся на внешнем облике людей в целом (стр. 310). Факты свидетельствуют
о другом. Выше уже отмечались процессы брахикефализации и грацилизации. К этому
можно добавить изменение роста, соотношения поперечных диаметров лица и черепа
и др. Эти изменения носят расогенетический характер, исторически приурочиваются
к определенным территориям и времени и связаны со средой в широком смысле. Меха-
низмы изменения определенных признаков пока еще трудно объяснимы, но дальней-
шее развитие науки сумеет найти ответ и на эти вопросы. Поэтому напрасно
А. П. Быстров обвиняет в идеализме исследователей, отмечающих такие изменения,
но не умеющих их объяснить (стр. 312).

В книге имеются и другие недостатки. Так, автор приводит обширную библиогра-
фию, которая в первой части дается в конце глав, а во второй и третьей — в конце
частей. В главе «Млекопитающие» список литературы вообще отсутствует. К главам
«Обезьяны и человек», «Расы» библиография явно недостаточна. Недопустимо, напри-
мер, отсутствие указаний на антропологические работы советских исследователей
А. П. Быстров приводит лишь два учебных пособия: «Антропология» (В. В. Бунак,
М. Ф. Неструх, Я. Я. Рогинский, М., 1941) и «Основы антропологии» (Я. Я. Рогинский,
М. Г. Левин, М., 1955), но материал из книг, приведенных автором в библиографии,
практически не использован. Этим объясняются многие указанные выше недостатки.

Книга хорошо иллюстрирована рисунками и краниограммами. К сожалению, автор
пренебрег общепринятыми в международной литературе правилами помещения кранио-
грамм во франкфуртской горизонтали, что сильно затрудняет пользование ими, осо-
бенно при сравнении.

В заключение еще раз отметим, что рецензируемая книга делится на две неравно-
значные по объему и содержанию части. К первой относятся главы, посвященные
палеонтологии позвоночных и морфологии человека, содержащие обширный и ценный
фактический и теоретический материал. Эти главы рассчитаны на специалистов и при
известной морфологической подготовке читаются легко и с большим интересом. Ко
второй следует отнести главы, касающиеся происхождения человека и рас, а также
большую часть раздела «Будущее». Эта часть является весьма плохой популяризацией
данных антропологии и содержит ряд серьезных ошибок и недостатков. Она ничего
не дает специалистам и дезориентирует рядового читателя.

И. И. Гохман.

М. М. Герасимов. *Опыт воспроизведения документального портрета по скелету
из Панджруда*. Сталинабад, 1958, 98 стр.

Общепризнанным в настоящее время стало представление о том, что наиболее круп-
ные и интересные научные открытия делаются в областях, пограничных между раз-
личными отраслями науки. Синтез биологии и химии, химии и физики, филоло-
гии и истории привел к созданию новых научных дисциплин и ознаменовался рядом
блестящих открытий. Однако творческие перспективы комплексного решения научных
проблем не исчерпываются взаимопроникновением соседних областей знания. Иногда
далекие и, казалось бы, несопоставимые отрасли науки находят друг друга, и тогда
возникают совершенно неожиданные точки приложения творческих сил человека,
вроде подводной археологии или астроботаники.

Ярким результатом такого необычайного синтеза — синтеза антропологии и фило-
логии является новая книга М. М. Герасимова. В ней антрополог помогает филологу
открыть не замеченные ранее детали в литературных произведениях Рудаки, а фи-
лолог подсказывает антропологу путь, по которому следует идти в воссоздании прав-
дивого портрета великого поэта. В этой книге анатом говорит с нами языком анато-
мических терминов — и перед нами встает, точно чудом вызванная из небытия, живая
фигура основоположника таджикско-персидской литературы, а внимательный чита-
тель касды Рудаки открывает нам все новые и новые черточки, дополняющие его
образ. В книге мы находим счастливое сочетание полноты научной аргументации и не-
посредственного ощущения далекой эпохи; при таком сочетании великие деятели
прошлого встают перед нами во всем богатстве жизненных деталей своего облика,
а сама эпоха дана не как нудный перечень дат и имен, а как живая картина, полная
обаяния и романтики.

Новая книга М. М. Герасимова рассказывает об обстоятельствах, связанных с
отысканием могилы Абу-Абдулло Рудаки и созданием его документального портрета.